

Священник Владимир Зноско

ЛЮБЯЩИЙ БОГА

*Житие Христа ради юродивого
иеросхимонаха Феофила,
подвижника и прозорливца
Киево-Печерской Лавры*

Москва
Издательство «Апостол веры»
2016

УДК 23/28, 179.9
ББК 86.372

*Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС 12–121–2173.*

Священник Владимир Зноско.

Любящий Бога. Житие Христа ради юродивого иеросхимонаха Феофила, подвижника и прозорливца Киево-Печерской Лавры. — М.: Православное издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.), 2016. — 264 с.

Имя блаженного старца иеросхимонаха Феофила настолько популярно среди чад Православной Церкви, что, несмотря на вековую давность со дня его кончины, память о нём чтится свято и благоговейно. Правда, нет больше живых свидетелей его иноческих подвигов, Христа ради юродства и духовной славы. Но и среди потомков этих людей сохранилось немало устных преданий о богоугодной жизни и даре прозорливости блаженного, слышанных ими от своих отцов и матерей. Старец был для всех светильником веры и благочестия, более десяти лет являлся украшением иночества Киево-Печерской Лавры...

Житие блаженного старца Феофила было положено в основу фильма Павла Лунгина «Остров». Именно с иеросхимонаха Феофила списан образ главного героя фильма отца Анатолия.

ISBN 978-5-9906668-7-0

© Издательство «Апостол веры»
(ИП Семенец И.Ю.), 2016

Введение

Иеросхимонах Феофил — юродивый Христа ради, преподобный. По воспоминаниям современников, паломники ежедневно шли к нему, они глубоко почитали старца, прославившегося своими пророчествами. Немало исцелений свершилось после его смерти, «ибо многие недужные и болящие, для которых бессильна была помощь человеческая, вразумляемы были в сновидениях, прибегнув к молитве блаженного Феофила, и по своей вере удостоились получить исцеление». Как великий учитель благочестия, трудился он над улучшением нравов своих ближних, вразумляя и научая премудрости всякого человека, чтобы представить его совершенным во Христе (см.: Кол. 1, 28).

Духовным оком проникая в тайники человеческого сердца, блаженный Феофил видел многое. Видел, как бушует во мраке нашего невежества

гордость, самообольщение, ненависть и кровавое насилие. Видел, как, погружаясь в этот страшный хаос бушующих страстей, в который не проникает ни один луч Божественного света, и пресыщаясь грехами, люди забывали Бога. Только по имени назывались они христианами, делами же далеко отстояли от этого:

*Утробной пищей сыты мы,
И без духовного питанья
Ослабли тощие умы,
Бесплодны скудные познанья.*

Да, многое видел старец Феофил и втайне болел за всех душой. И чтобы поддержать в ближних ослабевший дух веры и любви, он воспринял на себя высший подвиг христианского благочестия — Христа ради юродство — и целую жизнь посвятил врачеванию нравственных недугов, грозно обличая своими притчами людей жестоких, несправедливых и забывающих Бога, кротким внушением и ласковой утешая и поощряя людей верующих и богобоязненных. Так «благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1, 21).

Во имя благочестия и любви к Богу отказавшись от временных благ, проводил он свою жизнь в смирении, простоте и уничижении. Многие поношения, оскорбления, зло и ненависть испытывал он от людей, но, будучи смирен сердцем и кро-

ток духом, даже Господу не жаловался на своих хулителей и врагов, ограничиваясь только крестной молитвой Великого Страдальца: «Господи, отпусти им, не ведают бо, что творят...»

Не отойдёт же память его, и имя его поживёт в роды родов. Премудрость его поведают люди, и хвалу его да исповедует Церковь. Множество разных преданий о его дивной прозорливости и действительности молитв для страждущих и обременённых недугами плоти и духа сохранилось в благоговейной памяти потомков людей, знавших блаженного старца.

Предлагаем здесь читателю только некоторые из них, записанные при расспросах старожилов-киевлян и переданные боголюбивыми старцами Киево-Печерской Лавры.

Не будем скрывать их под спудом, а сообщим всем, да явится сей светильник на свещнице и да светит он миру своими делами, которые в своё время не разумел мир, видевший в человеке Божиим одно только юродство.

Глава первая

В городе Махнове Киевской губернии при Богородице-Рождественской церкви проживал некогда священник Андрей Горенковский. В октябре 1788 года его жена Евфросиния* родила близнецов. Старший в Святом Крещении был наречён Фомой, младший — Каллиником. Оба они отличались красотой, крепостью сил и здоровьем. Люди в те времена были глубоко верующие и богобоязненные, и матери сами кормили грудью своих детей. Так поступила и Евфросиния. И хотя трудно было кормить сразу двух младенцев, счастливая мать ни за что не согласилась поручить их кормилице.

* Урождённая Гошковская. Внук её, Яков Гошковский, был священником в селе Хальчи Киевской губернии и уезда.

Однако, к величайшему изумлению Евфросинии, старший из её близнецов, Фома, упорно не хотел брать грудь, и каждый раз отворачивал лицо. Чтобы спасти ребёнка от голодной смерти, изумлённая мать вынуждена была искать всевозможные средства для его пропитания: кормила Фому картофельной жижей, давала ему разваренную репу и морковь. Всё это Фома принимал охотно. Но едва подносили к его губам сосуд с кипячёным молоком, ребёнок тотчас с громким плачем вновь отворачивал лицо и не хотел принимать молочной пищи.

Это с первых дней вселило в сердце матери холодность к малютке Фоме. К тому же стали приходиться ещё разные суеверные соседки и знакомые попадьи, которые, истолковывая это явление по-своему и приплетая нелепые рассказы и суждения, стали считать Фому чуть ли не медвежонком. Евфросиния же по своей простоте и невежеству от души верила этим суеверным толкам и, приходя в ужас, ожесточалась всё более и более.

— Его подменили! — говорила она. — Не хотели крестить его с Каллиником в один день, вот его ведьма и подменила...

Прошло более полугода. Испытав всевозможные способы сделать Фому похожим по воспитанию на других детей, Евфросиния решила навсегда избавиться от него. Однажды вечером она позвала к себе служанку и, затворившись от мужа, стала с ней совещаться.

— Я не могу больше смотреть на этого упыря*, не могу терпеть его в своём доме! Завтра чуть свет возьми его с собой, отнеси к реке и брось в воду... Но поклянись мне в том, что об этом никто, кроме нас, не узнает...

Долго умоляла служанка пощадить невинное дитя. И сколько ни просила её, сколько ни рыдала, угрожая матери гневом Божиим, ожесточённая Евфросиния была неумолима. Служанке пришлось покориться её воле.

Утром, чуть свет, подкупленная служанка взяла Фому на руки, побежала к речке и, осенив малютку крестным знамением, бросила в воду.. Но, хранимый Богом, младенец вынырнул из реки и, мирно покачиваясь на волнах, как в колыбели, был отнесён ими к противоположному берегу. Там волны выбросили его на сушу.

Заметив это, служанка, совершившая преступление, боясь ответственности перед хозяйкой, решила довести своё страшное дело до конца. Она переправилась через реку и подняла Фому на руки. Ребёнок спал безмятежным сном. Недолго думая, служанка снова бросила его в воду и тут же опять стала свидетельницей силы Божией: волны понесли младенца к островку, образовавшемуся наверху по течению реки, и бережно положили на сыпучий песок.

* По суеверному мнению, упырь, или вампиром, называется существо, бродящее по ночам и высасывающее кровь из живых людей.

Поражѣнная таким чудом, женщина перешла вброд и взяла младенца на руки. Убедившись в том, что малютка жив и невредим, служанка залилась горькими слезами раскаяния, отнесла Фому к матери и задыхающимся от страха и волнения голосом объявила ей обо всѣм случившемся.

— Хоть убейте меня, но топить неповинное дитя не стану! Сам Бог чудесным образом спасает его жизнь, и горе нам будет за наше жестокое убийство!

Но молодая мать, в каком-то нечеловеческом ожесточении слушая рассказ испуганной служанки, молча внимала её словам, а затем стала упрекать её в неуместной жалости.

— Стыдись! — говорила она. — Ты жалеешь этого упыря. Если мы оставим его в живых, он принесёт много зла на земле... О нет! Пусть лучше я собственными руками утоплю его, чем стану смотреть на ненавистного мне урода!

С этими словами Евфросиния выхватила Фому из рук испуганной женщины и быстрыми шагами направилась к реке. Невдалеке от их дома стояла водяная мельница, и рядом никого не было. Евфросиния подошла к мельнице, нашла удобное место и бросила Фому под крутящееся колесо. Сама же, думая, что дитя уже погибло, незаметно скрылась... Вдруг произошло новое чудо: жернова остановились, и от напора воды произошёл сильный шум. Мельник выбежал во двор, чтобы посмотреть,

что случилось. Он увидел, что колёса, сдержанные неведомой силой, дрожат от сильного напора стремящейся на них воды, которая рвётся вперёд, пенится и клокочет... Заглянув вниз, он увидел в воде плачущего ребёнка. Тогда мельник проворно спустился вниз и, нагнувшись к воде, поспешил спасти дитя. И как только он вытащил Фому из воды, в ту же минуту колёса опять пришли в движение...

Сердобольная служанка, следившая издали за ожесточённой матерью, при виде этого нового чуда спасения младенца с рыданиями и трепетом подошла к изумлённому мельнику и откровенно рассказала ему всё, что знала о младенце и чудесных явлениях силы Божией.

— Что же нам делать? — недоумевал мельник. — Если мы вернём малютку матери, она не замедлит снова погубить его...

И, опасаясь ответственности за дальнейшую судьбу невинно преследуемого родной матерью младенца, они решили рассказать о случившемся чуде его отцу.

Однако ни просьбы, ни мольбы, ни даже угрозы не подействовали на ожесточившуюся мать. В чуде спасения Фомы Евфросиния видела чуть ли не дьявольское наваждение, и чем больше уговаривал её муж, тем больше она злилась.

— Я не оставлю его в живых! Это не младенец, это урод... Его непременно надо лишить жизни! — твердила суеверная Евфросиния.

После этого она ещё несколько раз пыталась погубить Фому.* А насколько Евфросиния обожала Каллиника, свидетельствует такой случай: когда мальчику было семь лет, он, по обыкновению того времени, вышел со старшими на полевые работы. Там, нечаянно оступившись, он упал на стоявшую рядом борону и, ударившись о железный гвоздь, выбил себе правый глаз. Несколько дней болела Евфросиния от этого горя и постоянно повторяла: «Господи, почему Ты не сделал этого с противным Фомой, а допустил покалечиться моему любимому сыну?!»

Огорчённый отец, видя, как сильно ненавидит жена своё родимое детище, решил надолго удалить Фому от неё. Для этого он тайком от жены нашёл опытную кормилицу и, посвятив её в семейную тайну, передал ей младенца на воспитание. Женщина, видя, что Фома продолжает отказываться от молока, принялась кормить его мягким хлебом, который она обмакивала в сыту.** Под величайшим секретом она ежедневно сообщала доброму родителю о младенце...

Рассказывали, что она каждое воскресенье носила Фому в церковь для приобщения Святых Христовых Таин и, конечно, часто встречалась там с

* Мать, не любящая детей, совершает большой грех перед Богом. Но да простит Господь безумную Евфросинию. Она была неучёная и тёмная женщина, а где невежество, там и суеверие.
** Сыта — мёд, разведённый водой.

Евфросинией, которая приносила для приобщения своего любимого сына Каллиника. «У-у! Чтоб тебе добра не было!» — кляла тогда Евфросиния ненавистного ей Фому и отворачивалась от него...

Прошло несколько месяцев. Ребёнок развивался нормально и даже окреп. Кормилица оказалась добросовестной женщиной: она смотрела за Фомой, как за своим сыном. Но вскоре Господу угодно было призвать его отца от временной жизни к вечной. Чувствуя приближение смерти, отец Андрей, переживая за судьбу сына, призвал к себе доброго мельника и сказал:

— Ты был свидетелем чудесного спасения моего сына... Именем Бога поручаю тебе взять Фому к себе... Расти же, береги и не обижай его!

Мельник с радостью согласился на это предложение. Он взял к себе в дом Фому как благословение Божие. Между тем слух об этом чудесном случае распространился в народе, и один из зажиточных обывателей ближайшего к Махновке селения упросил мельника отдать ему ребёнка на воспитание.

— Я не имею детей, — говорил он, — и желаю усыновить этого малютку, а после смерти сделаю его наследником всего своего состояния... Отдай мне Фому!

Мельник, видя добрые намерения крестьянина, уступил настойчивой просьбе богача и без малейшего колебания передал ему маленького Фому...

Хорошо было жить мальчику под кровом гостеприимного крестьянина. Со временем Фома мог быть усыновлён и стал бы богачом. Так оно и случилось бы, но Промысл Божий судил иначе. Вскоре после переселения Фомы в дом бездетного богача этот добрый человек неожиданно скончался.

И вот младенец, ещё не достигший трёхлетнего возраста, снова остался круглым сиротой.

Жена почившего богача-крестьянина стала полной владелицей всего имущества своего покойного мужа. Имея намерение вторично выйти замуж, она поспешила расстаться со своим воспитанником Фомой и для этого уговорила священника своего селения взять ребёнка к себе.

— Он связывает мне руки, — оправдывалась вдова, — а вы легко можете повести его той дорогой, которая более прилична его званию и происхождению.

Батюшка согласился, и маленький Фома нашёл для себя новый дом. Таким образом, он с раннего детства познакомился с духом скитальческой жизни и заблаговременно принял на себя крест Того, Кто Сам в течение Своей земной жизни не имел места, где преклонить главу..

У нового благодетеля Фома прожил до семилетнего возраста. Особенного присмотра за ним не было, поэтому мальчик, предоставленный самому себе, поневоле должен был влиться в шумную толпу сверстников и разделить с ними детские игры.

Но, к удивлению всех, отрок совсем не стремился к обычным в его возрасте развлечениям. И когда его сверстники шумели, бегали, играли и резвились, Фома удалялся в сторону и, найдя уединённое место, о чём-то размышлял, избегая веселья.

Привыкнув к скитальческой жизни, испытав в душе сладость первой детской молитвы и рано приучившись к долговременному посту и воздержанию, маленький Фома стал возрастать и преобразаться духовно. Божий храм был любимым пристанищем этого необыкновенного ребёнка. Мальчик не пропускал ни одного богослужения и при первом ударе колокола с великой радостью спешил туда, где так отраднo и так непонятно для него отдыхала его душа. Фому часто видели перед закрытыми дверями сельского храма углублённым в молитву и как бы отрешившимся от всего, что окружало его в этом мире. Его душа стремилась к Богу, она просила:

*Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.*

*Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.*

*Всех, которых пришёл искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить...*

Недовольные товарищи, видя, что Фома не поддерживает их в шумных играх, глумились и потешались над ним, даже били его, устраивали над мальчиком злые шутки. Со слезами уходил от них Фома в лес. Его через сутки, а иногда и через двое находили там пастухи, рассказывавшие о нём удивительные вещи, которые многих приводили в изумление.

Фома на себе испытал всю горечь сиротства и убожества и убедился в том, что страдальцам мир часто не внемлет. Тогда он понял, что не для счастья рождаются люди на земле, а приходят сюда на страдание. Фома с ранних дней узнал радость помощи бедствующим. Отказывая себе во всём необходимом, он всё, что мог, отдавал нищим. Однажды Фома увидел на улице мальчика, одетого вместо рубахи в какие-то лохмотья. Он тут же, не задумываясь, снял свою рубашку и отдал её бедняку, а сам вернулся домой в одной верхней одежде. Его благодетель, однако, был недоволен и строго наказал Фому за это...

Когда мальчику исполнилось семь лет, священник начал обучать его грамоте. Фоме нравилось заниматься, но, увы, это продлилось недолго — вскоре батюшка заболел и скончался. Горько и безутешно плакал Фома о своём покровителе. Плакал не

потому, что у него ему было хорошо жить, а потому что потерял в нём мудрого наставника, едва начавшего открывать перед ним свет учения и книжную премудрость. Только об одном этом сокрушался и печалился Фома, до всего другого ему не было ни малейшего дела.

После смерти священника Фоме пришлось искать новый приют. Староста местного храма, полагая, что после семилетнего промежутка прежняя ненависть к родному сыну у Евфросинии прошла и сменилась нежностью материнских чувств, решил отвести Фому домой. Но каков же был его ужас и удивление, когда он вместо любви и расположения встретил в лице матери лишь ненависть и отвращение к своему ребёнку! Когда они зашли в дом Евфросинии, она колола дрова. Увидев ненавистного сына, мать с яростью бросила в него топор, так что его острое лезвие рассекло Фоме правое плечо.

Подхватив окровавленного ребёнка, староста быстро перевязал ему рану и увёз обратно к себе домой. Пока у Фомы заживала рана, староста случайно узнал, что в Киеве, в Братском монастыре, живёт с числа братии старец из овдовевших священников, приходившийся Фоме дядей. К этому-то монаху, как к последнему покровителю, и отвёз добрый староста ещё не совсем выздоровевшего ребёнка. Там он рассказал старцу всё то, что ему было известно о его несчастном племяннике, и передал ему Фому на воспитание.

При Братском монастыре существовала Духовная академия, при которой были в то время низшие, или так называемые начальные, классы. В эту-то академию и был определён многострадальный сирота и под присмотром своего родственника стал проходить там книжную премудрость.

Пользуясь у дяди гостеприимным приютом и скудным куском насущного хлеба, Фома возрастал в примерном поведении и прилежно учился. Всё свободное от занятий время он посвящал чтению духовной литературы, святого Евангелия и уединённой детской молитве. Читая Псалтирь, он извлекал из неё любимые псалмы, заучивал их на память, повторял каждый день.

— Господи, — так взывал к Богу юный труженик-страдалец, — услыши молитву мою, и вопль мой к Тебе да приидет! Окружили меня беды неисчислимые. Сердце моё поражено и иссохло, как трава. Всякий день поносят меня враги мои, злобствующие на меня клянут много. Я ем пепел, как хлеб, и питье моё растворяю слезами...

Вот эта-то чистая детская, угодная Богу молитва смягчила наконец сердце жестокой матери и примирила Евфросинию со своим отвергнутым сыном.

Чудесное событие это произошло так. Поражённая Господом неизлечимой болезнью, Евфросиния, видя над собой гнев Божий, со слезами стала каяться в жестокости, с которой всегда преследовала своего невинного сына. Где бы она ни находилась,

нигде не чувствовала покоя и облегчения: днём её терзал недуг, а ночью посещали страшные, ужасающие видения. В них она видела себя жертвой правосудия Божия, а своего кроткого Фому плачущим и молящимся о ней. Наконец сердце матери смягчилось и, поняв своё заблуждение, Евфросиния стала с воплями и рыданиями взывать к Богу, умоляя Его о прощении.

И Господь сжалился над ней... Незадолго до её смерти Фома пришёл к матери в дом, примирился с ней и получил от неё благословение.

— Прости меня, сын мой! — взывала к Фоме раскаявшаяся мать. — Прости меня, жестокую, глупую, безумную! Я была в помрачении ума и не ведала тяжести творимого мной злодеяния... Да будет на тебе благословение Божие! Не проклинай меня, злую мать, и поминай меня, грешницу, в своих постоянных молитвах...

С этими словами Евфросиния прижала своего сына к материнской груди и, осенив его широким крестом, тихо испустила дух. А добрый Фома собственными руками закрыл её мёртвые очи и предал тело матери погребению...

Глава вторая

*Никто да не пренебрегает юностью твоею;
но будь образцом для верных в слове,
в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте.*

(1 Тим. 4, 12)

Обучаясь в училище, Фома делал всё, что от него требовалось, но он не чувствовал в себе призвания продолжать высшее академическое образование. Он смотрел на него как на не совсем верное средство к приобретению тех познаний, которые приводят человека к познанию истинного Бога и открывают для чистых сердцем тайны величия Божия. Поэтому высшим для себя училищем юный Фома избрал храм Божий, где, предаваясь чтению и пению,